

УДК 130.121

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВРЕМЕНИ

© В. Я. Перминов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова**Россия, 119991 г. Москва, Ломоносовский пр., 27/4.**Тел.: +7 (495) 939 13 46.**E-mail: perminov_v@list.ru*

В статье изложено гуссерлевское учение о времени и проведено его детальное сопоставление с теориями времени у И. Канта и Ф. Brentano. Вначале автор исследует общие принципы феноменологической теории сознания, затем анализирует представления о времени Ф. Brentano и критику этих представлений Э. Гуссерлем, и в итоге проводит сравнение гуссерлевской и кантовской теорий времени. При этом автор склоняется к выводу о том, что прогресс в трактовке времени, достигнутый Гуссерлем, является в значительной мере внешним, основанным на неприемлемых гносеологических принципах. Критику этих принципов автор предполагает осуществить в одном из следующих номеров журнала.

Ключевые слова: *время, длительность, одновременность, интенциональность, категории, формы чувственности, конституирование, априорность, гносеологические принципы.*

Как философское направление феноменология оформилась в работах Э. Гуссерля в начале прошлого века. Оно появилось как соединение имманентизма В. Шuppe с идеей кантовского синтеза и ставила своей задачей объяснить категориальные структуры человеческого мышления без апелляции к натуралистическим и психологическим аргументам. Гуссерль выдвинул проект построения философии, базирующейся на несомненно достоверных основаниях и имманентная теория познания представлялась ему наиболее приемлемой в этом отношении. Объектом исследования феноменологии является сознание как поток переживаний и феномены как элементы этого потока, выявляемые посредством рефлексии. Сознание, по Гуссерлю, содержит в себе представления, не являющиеся простыми феноменами, но которые конституируются на основе феноменов и образуют в своей совокупности необходимую структуру сознания. Время понимается Гуссерлем как одно из такого рода общезначимых представлений, которое нуждается в обосновании, т.е. в сведении его содержания к первичным феноменам и к внутренним операциям сознания.

1. Принципы феноменологической теории сознания

Феноменология опирается на ряд понятий, образующих ее основу. Это такие понятия как рефлексия, феноменологическая редукция, интенциональность, конституирование и объективация. Согласно Гуссерлю философия как наука в отличие от всех других наук имеет своим предметом человеческое сознание как сущностную сторону человеческого бытия. Гуссерль исходит из того, что исследование сознания не может быть осуществлено в рамках психологии или какой-либо другой частной науки. Единственный путь к анализу сознания состоит, по его мнению, в рефлексии, в анализе сознания посредством самого сознания. На важность рефлексии как философского метода указывал еще Дж. Локк, который определил рефлексию как внутреннее наблюдение за действиями нашего ума. Однако и для Локка

и для большинства последующих философов рефлексия не была основным методом, ибо считалось, что философ свои основные сведения берет из наблюдений за явлениями самого мира, а не за действиями ума. Особенность феноменологии Гуссерля состоит в том, что рефлексия возводится здесь в единственный метод философского анализа, обладающий строгостью и обосновательной значимостью.

Обычная психологическая рефлексия, однако, не удовлетворяет Гуссерля. Он ставил задачу сделать философию строгой наукой и с этой целью считал необходимым очистить ее от положений, связанных с полаганием трансцендентного существования. В обычной психологической рефлексии, считает он, содержатся представления о трансцендентных сущностях, о вещах в себе, существующих независимо от сознания, а это значит, что эта рефлексия неизбежно возвращает нас к некритическому натурализму и объективизму. Первая задача философа, по Гуссерлю, состоит в том, чтобы высветить чистую и безусловную субъективность, мир переживаний субъекта как таковой, очищенный от допущений, связанных с утверждением трансцендентных сущностей, и данный субъекту в своей полноте и достоверности. В этом очищении сознания от представлений, связанных с трансцендентностью, состоит замысел феноменологической редукции Гуссерля. Он ставит своей задачей определение безусловного основания мышления, принадлежащего субъекту раньше всех производных представлений и идей. Это основание – чистая субъективность, состоящая исключительно из феноменов (переживаний), которые схватываются сознанием непосредственно в их безусловной данности и из изначальных актов сознания, принадлежащих сознанию по его сущности.

Эта установка Гуссерля имеет прямое отношение к положению Декарта, согласно которому мыслящему «Я» с полной достоверностью даны лишь свои внутренние переживания, и что представления о внешнем мире являются менее достоверными и нуждающимися в обоснования своей истинности. С помощью гипотезы о том, что Бог не может быть обманщиком, Декарт реабилитировал мир трансцендентных сущностей и принял в качестве истинных все суждения о нем, удовлетворяющие критерию ясности и очевидности. Гуссерль не идет по этому пути. Он вообще не считает, что достоверность трансцендентных сущностей может быть обоснована. Наше представление о внешнем, независимом от нас мире, следует понимать, по Гуссерлю, лишь как продукт конституирующей активности самого сознания и последующей объективации. Предметы внешнего мира, существующие по нашему убеждению вне нас и независимо от нас, есть, с этой точки зрения, лишь корреляты интенциональных актов сознания. Мы можем обосновать необходимость, общезначимость и интерсубъективность этих представлений, но мы не можем обосновать реальность их существования по отношению к автономному от них миру.

Структура внутренней активности сознания описывается Гуссерлем на основе понятия интенциональности. Это понятие расшифровывается обычно как направленность актов сознания на некоторый объект. Но здесь мы имеем дело с тем случаем, когда определение понятия не вполне согласуется с его фактическим использованием. Известно, что Гуссерль использовал это понятие во многих и существенно различающихся смыслах: как простое приведение чувственно данного в сферу сознания, как вычленение явления из контекста, как апелляция к его окрестности или горизонту, как выявление аспектов в структуре объекта или акта, как придание восприятиям единства и смысла и т.п. Анализ примеров интенционального анализа, рассмотренных Гуссерлем, дает основание утверждать, что это понятие в свернутом виде представляет собой всю систему актов сознания направленных на первич-

ную систематизацию опыта. Но мы не будем здесь углубляться в этот сложный вопрос. Для нас важно отметить лишь то обстоятельство, что принимая интенциональность как необходимый элемент жизни сознания, мы открываем путь для перехода от первичных его переживаний (феноменов) к более сложным структурам сознания, которые выявляются на основе различных типов интенциональных актов. Центральная задача феноменологии состоит в демонстрации внутренней конституирующей или производительно-конструирующей способности сознания, в основе которой лежит его интенциональная активность.

Феноменологическое объяснение сводится к процессу конституирования. Если мы желаем, к примеру, раскрыть смысловую основу понятия пространства, то мы должны выявить первичную систему феноменов (переживаний), которые лежат у истоков этого представления и указать систему актов (установок сознания), которые приводят к формированию этого представления как некоторого общезначимого элемента нашего видения мира. Мы должны объяснить неизбежность видения вещей как находящихся в пространстве, а также прояснить смысл наших высказываний о бесконечности, непрерывности и трехмерности пространства. Гуссерль убежден, что все значимые представления о мире могут быть объяснены как порожденные внутренними актами сознания. «...Все, что есть для меня, – пишет Гуссерль, – может почерпнуть свой бытийный смысл исключительно из меня самого, из сферы моего сознания» [2, с. 282]. Такого рода прояснение генеалогии и смысла человеческих представлений через анализ их конституирования в сфере чистого сознания является, по Гуссерлю, полным обоснованием их статуса, а вместе с тем и полной реализацией цели философии как науки и механизмах человеческого мышления.

Феноменология является плюралистической философией в том смысле, что она не дает единого метода для решения всех конститутивных проблем. Феноменологический анализ представления о мире в целом требует анализа другой системы исходных феноменов и других типов интенциональности, чем анализ понятия пространства. Анализ понятия «Другого», который проводит Гуссерль в последней главе «Картезианских размышлений», по своим посылкам радикально отличен от анализа таких понятий как «пространство», «абсолютно твердое тело» и «мир в целом». Гуссерль говорит о регионах бытия, определяющих типичу конституирования и о региональных онтологиях, определяющих тот или иной тип предметности [2].

Феноменология в своей сути – это система трансцендентального идеализма. Она резко разделяет бытие сознания от бытия вещей и предметного мира в целом, и только сознанию придает статус подлинного бытия. Гуссерль уверен в том, что только бытие сознания абсолютно, а бытие мира относительно, и в принципе мир мог бы и не существовать без ущерба для существования сознания. Старое натуралистическое соподчинение бытия и сознания ставится здесь с ног на голову: мы должны не сознание объяснять из мира, а мир из бытия и внутренней логики сознания. Гуссерлевская позиция в этом отношении более радикальна, чем кантовская. Кант считал предметный мир непознаваемым, однако не считал его несуществующим или вторичным. В конечном итоге, предметный мир определяет у Канта процесс познания в том плане, что он действует на нашу чувственность, обеспечивая устойчивое многообразие чувственных данных, выступающее в качестве основы всей последующей деятельности сознания. Теория познания Канта, несмотря на свой агностицизм, существенно базируется на натуралистической и отражательной предпосылке. Гуссерль устраняет кантовскую «вещь- в-себе» вместе с остальными натуралистическими предпосылками. Само

многообразии чувственно данного уже не определяется вещным миром, а выявляется интенциональной активностью сознания из аморфного потока чувственно данного.

Еще одна особенность феноменологической философии состоит в том, что она более существенно, чем все другие философские системы, в своей основе связана с понятием времени. Наиболее близкой системой к феноменологии в этом отношении является, несомненно, философия Канта, в которой время является основанием эмпирического синтеза и представлением, реализующим связь между чувственностью и рассудком. В первом издании «Критики чистого разума» Кант намечал так называемый субъективный синтез категорий, в котором время занимало центральное место в самом генезисе сознания как многообразия синтезов. Во втором издании Кант отказался от этого плана и тем самым исключил время из генезиса категорий. Можно сказать, что именно этот первоначальный замысел Канта нашел определенную реализацию в системе Гуссерля. Здесь можно согласиться с В. И. Молчановым, который считает, что Гуссерль в своей гносеологической теории выдвинул на первый план то, что было уже намечено Кантом в его анализе субъективной дедукции категорий [3, с. 29].

Переходя от психологической рефлексии к рефлексии феноменологической, Гуссерль устраняет как связанные с трансцендентностью все связи между феноменами, выраженные в онтологических категориях, таких как причинность, часть – целое, случайность-необходимость и т.п. Чистое феноменологическое основание сознания остается исключительно временным, т.е. упорядоченным только во времени. Основанием феноменологического анализа становится у Гуссерля кантовская идея единства апперцепции, понимаемая в смысле абсолютной временной упорядоченности всей системы феноменов, данной сознанию. Феноменология Гуссерля в этом смысле является философией, базирующейся на представлении времени.

2. Понятие времени у Ф. Brentano

В плане анализа времени предшественником Гуссерля был его учитель Франц Brentano (1838–1917). В основе понимания времени у Brentano лежит представление о связи элементарных чувственных восприятий, которая обеспечивается памятью. Пусть мы слышим некоторую мелодию и актуально воспринимаем некоторый тон. При появлении следующего тона предшествующий уходит в небытие, исчезает из сферы восприятия, но он не исчезает из сознания, а в некотором модифицированном виде соединяется с новым тоном. Здесь важен момент модификации. Если бы предшествующий тон сохранялся в сознании в своем прежнем, хотя и ослабленном, виде, то у нас было бы сочетание многих одновременно звучащих тонов и мы не могли бы слышать мелодии. С другой стороны, если бы он полностью исчез из нашего сознания после прекращения своего звучания, то мы в каждый момент имели бы представление только о звучащем тоне и также не могли бы составить представления о мелодии как целом. Соединение актуального ощущения с модифицированным осознанием предшествующего ощущения Brentano называет первичной ассоциацией и считает, что именно это соединение устанавливает порядок восприятий и порождает первичную интуицию времени.

В концепции Brentano основную роль играет активность сознания, соединяющая «теперь» и «бывшее теперь» и преобразующая это соединение в представление времени. Представление о временной связи порождается у него не прямым каузальным воздействием чувственности на сознание, а творческой активностью сознания, актами продуктивной фан-

тазии. Можно сказать, что возникновение первичной интуиции времени осуществляется у него на внечувственном уровне, а именно, в сфере памяти и фантазии. Когда тон прекращает свое звучание, он больше не ощущается, но исчезнувшее ощущение побуждает деятельность творческой фантазии, которая устанавливает связь между настоящим тоном и тоном только что прекратившим свое звучание. Эта связь и порождает первичное темпоральное сознание, т.е. некоторую самоочевидную упорядоченность ощущений, которую мы обозначаем как время. Представление о времени, с этой точки зрения, не есть отражение объективного чувственно воспринимаемого процесса, как это было у Аристотеля, и не отражение состояний сознания как потока чувственных данных, на чем настаивали Локк и Беркли: оно понимается теперь как продукт активности сознания, в основе которой лежит память и фантазия.

От первичного темпорального сознания Brentano переходит к анализу генеалогии общего представления о времени, в основе которого лежит соединение прошлого, настоящего и будущего. Реальным или истинно существующим Brentano считает только настоящее, данное в нашем актуальном восприятии. Событий, которые мы связываем с прошлым, уже нет, и в этом смысле представление о прошлом является ирреальным в отношении живого настоящего. Будущее еще в большей степени ирреально, ибо оно присутствует в нашем сознании только как субъективное ожидание, и может и не приобрести даже статуса бывшей реальности, которым обладает прошлое. Мы должны различать, по Brentano, собственное время, как представление, связанное с первичной ассоциацией и самоочевидное для сознания, и несобственное время как понятийную формацию самого сознания. Собственное время не содержит в себе бесконечности. Но поскольку горизонт будущего, как и горизонт прошлого, остаются всегда неопределенными, то мы принимаем их как в принципе бесконечные. Так возникает представление о едином, бесконечном и объективном времени, соединяющее в себе настоящее, прошлое и будущее как особые фазы бытия. Здесь, считает Brentano, происходит внутреннее восполнение понятия, подобное тому, которое происходит в математике при переходе от первых чисел к бесконечному их ряду или при переходе от конечных геометрических фигур к идее бесконечного пространства.

Основной момент в понимании времени у Brentano состоит в том, что время не может быть понято как чувственно воспринимаемая характеристика вещей. Мы можем говорить, что всякое ощущение длится, но не можем сказать, что длительность ощущается. Время - это представление, заведомо не содержащееся в чувственно воспринимаемых качествах вещей, и не выявляемое анализом какого-либо множества восприятий. В этом смысле оно имеет внечувственный характер и является характеристикой реальности более высокого уровня, чем обычные качества вещей, фиксируемые в опыте. Именно вследствие своего внеэмпирического статуса, время соотносится с реальностью вообще, превращается в элемент структуры реальности в целом.

Brentano, как мы видим, уходит от натуралистического и эмпирического истолкования времени, согласно которому оно возникает как понятие, отражающее либо процессы в окружающем мире, либо смену впечатлений в сознании. Теории времени Аристотеля, Локка, Беркли и Милля отодвигаются им в сторону как заведомо несостоятельные. Время утрачивает у него чувственный характер и становится внутренней конструкцией сознания. Оставаясь в рамках психологии, Brentano делает очевидный сдвиг в сторону рационализма и конструктивизма. Но, с другой стороны, ясно, что его теория времени не сливается с априоризмом. Время у Brentano внечувственно, но не внеопытно: в отличие от времени у Канта оно

не предваряет опыт, но формируется активностью сознания, классифицирующей опыт. Сам же опыт остается первичным по отношению ко всем конструкциям сознания.

3. Гуссерлевская критика концепции времени Brentano

Гуссерль считал концепцию Brentano существенным продвижением вперед в понимании времени. Главную его заслугу он видел в разделении первичного содержания сознания и его актов, и в выдвигании актов сознания на первый план в понимании генезиса понятия времени. Однако, эта концепция представлялась ему неудовлетворительной в ряде моментов. Рассуждения Brentano, считал он, не состоятельны прежде всего в том отношении, что они идут в рамках натуралистической психологии, предполагающей связь явлений сознания с явлениями в реальности, т.е. с представлениями о предметном мире. Гуссерль усматривает здесь порочный круг, состоящий в том, что теория проясняющая возникновение представления о времени, опирается на представления о предметах, уже определенных в пространстве и времени. Адекватная концепция времени, считает Гуссерль, должна иметь строго имманентный характер, она не должна опираться на предметную и пространственно-временную структуру мира как данную; эта структура может рассматриваться здесь лишь как становящаяся в конституирующей активности сознания.

Другой недостаток теории Brentano Гуссерль усматривает в неадекватности понятия фантазии для определения первичной временной интуиции. Ссылка на фантазию, считает он, вносит неопределенность в строго определенное и общезначимое представление времени. Если первичная интуиция времени связана с фантазией, говорит он, то фантазия, которая задает представление о прошлом и будущем, и, несомненно, опирается на первичную интуицию, и будет уже фантазией фантазии. Гуссерль не допускает, что столь неопределенная конструкция может иметь смысл в описании представления о времени. Он убежден, что фантазия, будучи по своему определению связанной с определенным произволом, не может играть существенной роли в определении общезначимого и столь категорического в своих свойствах понятия как время. Понятие фантазии, считает Гуссерль, не раскрывает сути актов сознания, продуцирующих время.

Понятие первичной ассоциации, считает Гуссерль, также неудовлетворительно. Идея первичной ассоциации исходит из предположения, что в настоящем или в «теперь» сохраняются некоторые остатки чувственного восприятия только что бывшего. Но в таком случае надо признать, что прошлое и настоящее сосуществуют в сознании в качестве одновременных, и в собственно эмпирическом смысле равноправных переживаний, и остается совершенно неясным, по каким критериям одно из них приобретает статус прошлого. «Но благодаря чему мы узнаем, — пишет Гуссерль, — что А было ранее, до бытия этого настоящего? Откуда мы получаем идею прошлого?» [1, с. 21]. Мысль Гуссерля состоит в том, что у Brentano отсутствует указание на некоторый решающий акт сознания, разделяющий элементы одновременного восприятия на настоящее и прошлое.

Трудная проблема Brentano состоит, по Гуссерлю, и в непротиворечивом понимании конституирования модусов времени, т.е. прошлого, настоящего и будущего. Brentano исходит из того, что объективное время есть мысленная (внечувственная) конструкция, в которой ирреальное прошлое и ирреальное будущее, соединяются на основе реального «теперь». Гуссерль считает, что истолкование прошлого и будущего в качестве ирреальных модусов времени не является убедительным. Теория времени Brentano, считает он, не проясняет

должным образом способ данности прошлого, заложенный в понятии времени, и вопрос о том, как возможно сознание целостного времени, остается нерешенным в его теории.

Принципиальным недостатком концепции Brentano, по мнению Husserl, является также то, что эта теория не разделяет акт восприятия и воспринимаемый предмет, процесс конституирования времени и время как продукт конституирования. Husserl считает, что в феноменологии необходимо строго различать акт и предмет, процесс становления представления (значения) и само значение, которое имеет особый гносеологический статус, не определяемый однозначно свойствами процесса. «Свойства времени, последовательность и длительность, – пишет Husserl, – мы обнаруживаем не только в первичных содержаниях, но также и в схватываемых объектах и в схватывающих актах. Анализ времени, который ограничивается одним уровнем, недостаточен, он должен скорее следовать всем уровням конституирования» [1, с. 20]. Недостаток теории времени Brentano, Husserl видит в том, что Brentano пытается понять течение времени только на уровне объекта, «только через непрерывные градации новых моментов, которые каким-то образом прибавляются или впадают в те моменты содержания, которые конституируют темпорально локализованную предметность» [1, с. 22].

Husserl полностью принимает главную идею Brentano, состоящую в том, что время не является прямым отражением чувственно данного, а представляет собой необходимую идеализацию сознания, конструируемую самим сознанием. Он принимает и то положение, что время дано нам на двух принципиально различных уровнях: и как первичное переживание и как сложная понятийная формация, требующая обоснования. Но Husserl не считает, что понятие первичной ассоциации раскрывает истинный механизм конституирования первичной временности и временных представлений вообще. Он не разделяет чисто психологической трактовки прошлого и будущего, а также и истолкования этих фаз времени как ирреальных. Натуралистическая психология, по Husserl, вообще не может быть основой для адекватной теории времени.

4. Концепция времени Husserl

Собственная трактовка времени у Husserl основана на понятиях ретенции и ретенциального сознания. *Ретенция* – это первичная память или память о только что случившемся. Эта память является мгновенной, не содержащей в себе образа или переживания прошлого, она является специфическим интенциональным актом сознания, фиксирующим связь воспринимаемого настоящего с только что бывшим. В случае примера со звучащим тоном, ретенция не является ослабленным тоном или какой-либо иной его модификацией, а является лишь осознанием тона как уходящего в прошлое, мысленным отнесением только что прозвучавшего тона к «не-Теперь», присоединением акта сознания, фиксирующего исчезновение только что бывшего, к чувственно данному «Теперь». В акте ретенции мы, по Husserl, не имеем ассоциации элементов на уровне чувственности, не имеем акта модификации настоящего или фантазии, а имеем соединение реального «Теперь» с осознанием «не-Теперь» или только что бывшего, с актом сознания, лишаящим теперь его статуса, и сдвигающим его в прошлое. Ретенция, таким образом, это не трансформация настоящего в памяти или фантазии, а интенциональный акт сознания, присоединенный к настоящему и меняющий его статус

Аналогичным образом определяется у Husserl и протенция как предсознание будущего в любом акте непосредственного восприятия (импрессии). Протенция – не картина будуще-

го, не надежда на будущее, не модификация настоящего в соответствии с ожиданием, а лишь осознание будущего как необходимости, или как говорит Р. Ингарден, «мысленное освобождение места будущему». Ретенциальное-протенциальное сознание берет каждое первичное восприятие в его «обрамлении», с векторами направленности на прошлое и будущее и на основе этого задает первичную интуицию времени, как отношение между «теперь», «только что бывшим теперь» и «только что возникающим теперь». Понятия ретенции и протенции вводятся Гуссерлем как априорные («изначальные») акты внутреннего сознания, продуцирующие время и заменяющие в этом отношении Brentановскую продуктивную фантазию.

Понятие первичной ассоциации Brentано неприемлемо для Гуссерля и по той причине, что оно исходит из связи реальных переживаний, которая уже предполагает некое разделение во времени. Это понятие неприемлемо для Гуссерля вследствие своей объектной ориентированности, как обуславливающее представление о времени связями реально фиксируемых событий («теперь» и сохраненного в трансформированном виде «прошлого теперь»). Такого рода определения, считает Гуссерль, уже предполагают время и не пригодны для объяснения истоков представления о времени.

Однако, в понятии первичной ассоциации, считает Гуссерль, присутствует необходимый компонент, а именно, несомненное соединение настоящего, прошлого и будущего, которое может быть взято как факт, как феноменологически очевидная связь, без каких либо апелляций к связям чувственных данных и психологическим методам их анализа. Понятия ретенции и протенции могут быть поняты как продукт феноменологического очищения понятия первичной ассоциации, освобождения его от эмпирического и психологического содержания. Ретенция может быть понята как изначальный акт сознания, не нагруженный какими-либо натуралистическими предпосылками. Между импрессиией и ретенцией нет временной связи, но с другой стороны ясно, что непрерывный континуум ретенций, порождаемый восприятием, дает естественную основу для введения непрерывного и однородного времени. Понятие ретенции важно для Гуссерля прежде всего в том плане, что оно раскрывает априорное основание, лежащее в основе конституирования первичного представления времени. Память и фантазия как психические акты, конституирующие время у Brentано, заменяются у Гуссерля актами сознания, имеющими априорный, однозначный и безусловно объективный статус.

Понятие ретенции позволяет Гуссерлю подойти к непсихологическому определению прошлого. В механизме ретенции прошлое задается как только определенного рода чистый факт, т.е. только в смысле своего безусловного существования. Но в этом смысле оно, как и настоящее, задается на уровне высшей достоверности и, таким образом, как в высшей степени необходимое и безусловно реальное (равное в своей реальности реальности настоящего). С этой точки зрения прошлое и будущее должны быть поняты как модусы времени, обладающие той же степенью реальности, что и настоящее. Воспроизведение в памяти, по Гуссерлю, репрезентирует прошлое, но не презентует его, не дает его в его подлинности и реальности. «Ибо только в первичной памяти видим мы прошедшее, только в ней конституируется прошлое, и притом не репрезентативно, но презентативно» [1, с. 45]. С этой точки зрения, первичная интуиция времени, фиксирующая связь прошлого настоящего и будущего обладает предельной необходимостью, проистекающей из априорной сущности акта ретенции, и является представлением, не имеющим отношения к памяти и фантазии.

Гуссерль проводит разделение поперечной и продольной интенциональности сознания. Поперечная интенциональность схватывает совокупное чувственное содержание временной

точки, порождая качественное представление «все-вместе». На этом уровне задается понятие одновременности, опирающееся на понятие схватывания восприятий в едином интенциональном акте и выявляются временные объекты как последовательности временных точек, объединенных определенным содержанием. Продольная интенциональность направлена на фиксацию однородного континуума ретенций, связанных с исходным впечатлением. Она образует представление «до-все-сразу» и фиксирует чистую длительность как таковую. Мы удерживаем здесь, говорит Гуссерль, «весь ряд истекшего сознания с предельной точкой актуального первичного ощущения» [1, с. 87]. Одновременность и временная последовательность рассматриваются Гуссерлем как родственные представления, отражающие две необходимые стороны интенционального сознания. В этом смысле они являются коррелятивными представлениями, конституируемыми параллельно, в одних и тех же актах сознания.

Важность ретенционального сознания проявляется и в том, что оно индивидуализирует временные точки. Впечатления, появляющиеся в «теперь», самим фактом своего появления и принадлежностью к продолжающимся рядам ретенций, ставятся в абсолютное отношение к бывшим событиям, которое не может измениться в дальнейшем. Каждая временная точка феноменологически индивидуальна, ибо она с самого начала занимает определенное отношение ко всем другим временным точкам. Здесь Гуссерль обращается к кантовскому понятию единства апперцепции, а именно, к акту видения сознания как целого. Здесь, однако, имеются различия. Если Кант в своем описании единства апперцепции исходил из декартовского «я мыслю» и подчеркивал факт единичности «Я» как центра сознательной жизни, то Гуссерль выдвигает на первый план идею целостности и внутренней структурированности содержания сознания. В качестве главного содержания этого понятия у Гуссерля становится факт абсолютной индивидуации временных точек. Можно сказать, что единство апперцепции, по Гуссерлю, состоит в видении феноменов сознания как абсолютно упорядоченных во времени. Здесь важно отметить также и то обстоятельство, что если у Канта единство апперцепции это первичный и не рационализируемый далее акт сознания, то у Гуссерля это единство производно, ибо обеспечивается актами ретенции, которые удерживают как строго упорядоченные во времени все впечатления сознания, относящиеся к прошлому и настоящему.

Понимание времени как конституируемого понятия приводит Гуссерля к понятию «абсолютного конституирующего слоя», на основе которого может конституироваться первичное представление о времени. Идея такого слоя уже содержится в теории Brentano, который рассматривал первичную ассоциацию как вневременное отношение, способное породить представление о времени. Принимая идею времени как конституируемого представления, Гуссерль вынужден принять и представление о предельном и вневременном слое сознания. Темпорально конституирующий поток сознания, по Гуссерлю, это абсолютное основание сознания, предвещающее все акты конституирования. Гуссерль пишет: «Это есть чистая субъективность и имеет абсолютные свойства того, что следовало бы образно назвать «поток», что берет начало в актуальной точке, первичной точке (источнике), «теперь» и т.д.» [1, с. 79]. К предельному конституирующему потоку феноменов, считает Гуссерль, неприменимы общезначимые временные характеристики, кроме представления о «теперь», «до» и «после». Мы имеем здесь дело, говорит Гуссерль, только с пред-феноменологической и пред-эмпирической временностью. «По отношению к предельному конституирующему слою, – пишет Гуссерль, – больше нельзя говорить о времени» [1, с. 83]. В этом последнем высказывании речь идет у Гуссерля, конечно, об универсальном феноменологическом времени. Ис-

ходная пред-феноменальная временность, как заключающаяся в различении конкретных временных точек, и различие их на актуальные и истекшие, присуща, по Гуссерлю, и «абсолютно конституирующему слою».

В природе абсолютно-конституирующего потока сознания Гуссерль усматривает определенную противоречивость. С одной стороны, это поток, сфера постоянного изменения, обусловленная возникновением нового бытия в «теперь», но с другой – это изменение не может протекать ни быстрее, ни медленнее, здесь отсутствует всякий объект, который изменяется. «Здесь нет ничего, что изменяется и поэтому нельзя осмысленно говорить, о чем-то, что длится» [1, с. 79]. По отношению к элементам абсолютного потока нельзя говорить о времени, а также об изменении или скорости изменения.

Здесь возникает вопрос о способе данности абсолютного потока нашему сознанию. На каком основании мы можем говорить о первичном потоке и его элементах как реальных, и безусловно существующих? Если элементы первичного потока переживаний даны нам уже как продукты некоторого синтеза, то этим предполагается наличие другого более глубокого конституирующего слоя, на базе которого производится этот синтез. Очевидно, что мы сталкиваемся здесь с регрессом в бесконечность. Гуссерль считает, что в действительности мы имеем дело с самоявленностью первичного слоя. Мы схватываем его по продуктам конституирования, не приписывая его элементам статуса предметности. Бытие элементов абсолютно конституирующего потока дается нашему сознанию актами, родственными актам ретенции. «Как ретенциональная фаза сознания осознает предшествующее, не превращая его в предмет, так и первичное данное уже осознается – и притом в специфической форме «теперь» – не будучи предметным» [1, с. 139]. Если бы, говорит он, первичное сознание не имело места или никак не осознавалось, то никакая ретенция не была бы мыслимой, ибо ретенция неосознанного содержания невозможна. Признание ретенции как акта сознания говорит о существовании первичных восприятий, не являющихся продуктами какого-либо интеллектуального синтеза. Конституирующее сознание, говорит Гуссерль, устроено таким удивительным образом, что в нем необходимо должна существовать самоявленность первичного потока сознания. Пред-феноменологическая временность, говорит Гуссерль, конституируется как форма темпорально конституирующего сознания в самом этом сознании [1, с. 88].

Таким образом, Гуссерль приходит к выявлению трех уровней времени. Это, в-первых, чисто субъективное (дофеноменологическое) время, «время-сознание», внедренное в поток переживаний, не обладающее однородностью и универсальной значимостью для содержания сознания; во-вторых, это феноменологическое время, единое и универсально значимое для всех предметов сознания; и, в-третьих, это эмпирическое или трансцендентное время, которое относится к физической реальности, мыслится в качестве математической величины, и измеряется посредством часов. Дофеноменологическое время является частью абсолютного конституирующего слоя и должно быть признано неконституируемым, в то время как феноменологическое и физическое время суть идеализации, сформированные конститутивной активностью сознания. Дофеноменологическое и феноменологическое время едины в том, что к ним не могут быть приложимы понятия меры и величины.

Имманентное феноменологическое время обладает статусом объективности в смысле его безусловной нормативности для содержания сознания. Одна из задач Гуссерля состоит в выяснении того, какие механизмы сознания конституируют эту объективность. Представление о длительности и об отрезках длительности задается у Гуссерля ретенциальным созна-

нием. Если появляется впечатление А, и затем впечатление В, то континуум ретенций, инициированный этими впечатлениями, задает длительность А, длительность В как их расстояния от актуального «теперь», а также и длительность, отделяющую впечатление А от впечатления В [1, с. 45–46]. Устойчивый характер этих длительностей, считает Гуссерль, объясняется прежде всего логикой погружения всего ряда событий в прошлое: это погружение не нарушает внутренней структуры («чтойности») событий, а также их первичной временной упорядоченности: эти события и их временные связи при погружении в прошлое остаются всегда теми же самыми. Глубинная основа объективности времени, таким образом, сводится у Гуссерля к единству апперцепции, обеспечивающей абсолютность первичного временного упорядочения. Однако, субъективное переживание этой объективности Гуссерль связывает с вторичной памятью или с воспроизведением событий по памяти. Он пишет: «И нужно обратить внимание: только прошлые длительности я могу в повторяющихся актах «первично созерцать», действительно созерцать, идентифицировать и предметно иметь в качестве тождественного объекта многих актов» [1, с. 47]. Это значит, что наше осознание длительностей и временных объектов как тождественных и объективных, формируется на основе повторяющихся актов воспроизведения этих объектов в памяти как «тех же самых». В результате этой объективации временная шкала «прошлое-настоящее-будущее», зависящая от субъекта, определяющая настоящее, превращается в нашем сознании в объективную шкалу, определенную только отношением «раньше-позже», из которой исключена особая точка, определяемая субъектом и его восприятием.

Теория ретенциального сознания позволяет Гуссерлю подойти к обоснованию основных свойств времени. Если мы признаем свойства ретенционального сознания в его отношении к импрессиональному, то некоторые свойства времени должны быть приняты в качестве очевидных, проистекающих из акта конституирования представления о времени. Непрерывность времени непосредственно проистекает у Гуссерля из непрерывности ретенциального сознания, формирующего первичную интуицию времени.

То же самое можно сказать и о представлении об однородности времени. Время однородно, так как оно в теории Гуссерля отражает не качества событий, а лишь последовательность относящихся к ним актов ретенции, которые как акты сознания абсолютно однородны в своем содержании. Время, конечно, отражает смену явлений, но оно отражает только тот аспект этой смены, который не зависит от качественной стороны явлений. Форма погружения настоящего в прошлое, говорит Гуссерль, остается одной и той же при любом качестве событий, и это обстоятельство определяет наше представление об абсолютной однородности времени. Представление о бесконечности времени Гуссерль выводит из особенностей эйдетической идеализации, которая снимает ограничения реальных процессов. Континуум ретенций, связанных с впечатлением, всегда затухает, но эйдетическое сознание снимает это ограничение, переходя от ограниченного к неограниченному и от конечного к бесконечному. Здесь Гуссерль не отходит существенно от трактовки Brentano: бесконечность времени понимается не как отражение некой реальной бесконечности, а лишь в качестве внутренней идеализации сознания, обусловленной его конструктивно-производительной активностью.

Свойство необратимости времени проистекает у Гуссерля из представления о феноменологической индивидуации временной точки («теперь-точки»). Восприятие тона в некоторый момент может быть в содержательном плане совершенно идентичным его восприятию в предыдущий момент, но феноменологически (в смысле ее места в акте апперцепции) это

другая точка, особая в своей индивидуальности. Выделение ее как особенной (индивидуальной) обуславливается ее ретенциальным содержанием, ее удаленностью от некоторой другой временной точки, и, таким образом, глубиной ретенциального погружения, которое с ней соотносится. Таким образом, время принципиально необратимо, и это положение не может быть изменено фактом эмпирической обратимости явлений, ибо эти уже бывшие и вновь появившиеся явления, даже при условии абсолютной физической тождественности в единстве апперцепции как в целостном видении прошлого и настоящего, будут обозначены как новые в плане своей временной индивидуации.

Наиболее трудной проблемой для концепции Гуссерля является обоснование единственности времени. Процесс репродукции объективирует время временных предметов. Но почему, спрашивает Гуссерль, мы имеем не несколько параллельных времен, а одно объективное время, в которое включаются все временные интервалы? Первое решение этой проблемы, намеченное Гуссерлем, основано на понятии пустой интенции. К априорно-феноменологической природе сознания относится то, говорит он, что наряду с частными интенциональными актами, она порождает интенцию, относящуюся к совокупности актов в целом. Эта интенция является пустой в том смысле, что ей не соответствует какой-либо частный созерцаемый предмет. Ее предметное содержание есть объективный временной ряд событий, который представляет собой смутное окружение всего, что мы можем воспроизвести в памяти. Единое и объективное время может быть понято, таким образом, как предметный коррелят специфической интенции, которая относится к множественности взаимосвязанных предметностей и побуждается к своему осуществлению через процесс непрерывной данности (конституирования) этих частных предметностей [1, с. 58]. Другое объяснение, предложенное Гуссерлем, проистекает из определения одновременности. Если некоторые явления внутреннего сознания одновременны, то в соответствии с определением одновременности можно сказать, что они находятся на одном и том же «луче» интенциональности. Но такого рода точки представляют посредством своих содержаний одну и ту же точку объективного времени. Вследствие такой способности редуцировать время одновременных переживаний к единой точке, параллельно протекающие процессы не могут нарушить представления о единственности объективного времени [1, с. 143]. Это второе объяснение отличается от первого тем, что оно не привлекает понятия пустой интенции.

Мы не будем здесь останавливаться на гуссерлевском анализе других свойств времени. Анализ этих свойств является несомненной заслугой теории времени Гуссерля. Если кантовская теория рассматривала само время и все его свойства как нечто данное в созерцании, и не подлежащее рациональному обоснованию, то Гуссерль предложил систематическое обоснование этих свойств, исходящее из трактовки сознания как конституирующей активности.

Гуссерль уточнил, рационализировал и депсихологизировал теорию времени Brentano и устранил основные ее трудности. Понятия ретенции и протенции несомненно дают основу для понимания происхождения первичной интуиции времени. Гуссерль обосновывает необходимое соединение прошлого и настоящего, безусловную данность прошлого, и, следовательно, его реальность, при феноменологическом истолковании этого понятия. Аналогичным образом мы вскрываем логику становления идеи будущего времени, и, наконец, идеи бесконечного и объективного времени. Раскрытие этапов конституирования времени в сознании открывает путь к пониманию истоков сознания времени, и позволяет обосновать время в качестве фундаментального представления, внедренного в структуру сознания. Гус-

серль полагал, что прояснение генезиса времени в системе первичного опыта и актов сознания, т.е. конститутивный анализ этого понятия, есть единственно адекватный способ его обоснования как философской категории.

5. Сравнение с кантовской теорией времени

Единство кантовской и гуссерлевской теории познания образуют три момента, а именно, трансцендентализм, априоризм и антипсихологизм. Кант и Гуссерль – два великих мыслителя, ставившие своей задачей выявить и обосновать внутренние структуры сознания, определяющие его познавательную активность. Оба они хотели создать сущностную теорию познания, отличающуюся от наивно-отражательного эмпиризма и натуралистической психологии. Но единство общих установок не приводит в данном случае к единству в конкретных выводах, ибо эти установки, в действительности, у каждого из философов понимаются по-разному.

Основное различие между кантовской и гуссерлевской теорией познания состоит в понимании трансцендентального субъекта. Кантовский трансцендентальный субъект с самого начала универсален: априорные принципы Канта – это единые и абсолютные нормы, наложенные на всякое индивидуальное сознание. Содержание трансцендентальной субъективности Гуссерля, напротив, оформляется процедурой очищения конкретного сознания, и на любой стадии этого очищения оно остается частью индивидуального декартовского «Я», радикально отделенного от других «Я». Интерсубъективность здесь не предполагается и должна быть обоснована внутри конститутивного анализа. Гуссерлевская феноменология, в своей сути, это теория трансцендентального солипсизма, которая стремится выйти к общезначимости на основе строго субъективистских допущений.

Гуссерль отходит от кантовской теории познания и в том отношении, что он отказывается от «вещи в себе» как от понятия трансцендентного и недопустимого в системе строгой философии. Но тем самым феноменология теряет представление об объективно обусловленном и общезначимом эмпирическом основании знания. Для Канта, как и для Локка, исходная система чувственных данных мыслилась как заданная извне, как определенная миром вещей, и представлялась дискретным и устойчивым многообразием, на котором как на общезначимом фундаменте воздвигается все здание человеческих понятий. Гуссерль релятивизирует эту инстанцию знания. Он рассматривает первичную чувственность как аморфный и неделимый поток, который разделяется и дифференцируется на относительно устойчивые элементы только интенциональной активностью сознания. В своей теории первичного опыта Гуссерль радикально отклоняется как от старого эмпиризма, так и от Канта и занимает позицию, близкую к психологическому иррационализму Бергсона.

Важное различие между Кантом и Гуссерлем заключено в определении сферы конституирования. Кантовская теория познания есть также теория конституирования, ибо кантовский синтез опыта, синтез явлений в категориях, дедукция основоположений и другие ходы кантовского мышления, вполне подпадают под гуссерлевское понятие производительно-конструктивной деятельности сознания. Но, если конституирующая активность сознания у Канта осуществляется под эгидой неподвижной и независимой от опыта системы категорий и форм чувственности, то у Гуссерля сами эти категории и формы чувственности становятся объектами синтеза. Можно сказать, что Гуссерль внес идею становления в кантовскую неподвижную систему априорного знания.

Кантовская теория предельно рационалистична, ибо готовые априорные формы мышления понимаются здесь как предваряющие всякий опыт. Гуссерлевская теория познания, не отказываясь от априорных структур сознания, берет в качестве первичной инстанции абсолютный конституирующий поток сознания, не содержащий в себе каких-либо общезначимых структур сознания. Мы можем сказать, что если кантовская теория познания предельно рационалистична, то теория Гуссерля соединяет в себе предпосылки априоризма и радикального эмпиризма.

Эти общие расхождения между Кантом и Гуссерлем определяют и основные различия в их концепциях времени. Время Канта изначально, оно принадлежит сознанию по его сущности, оно никак не связано с опытом в своем генезисе, если таковой можно помыслить, и никакой опыт не может изменить содержание этого фундаментального представления. Время Гуссерля, хотя оно также универсально и необходимо для сознания, формируется сознанием на основе опыта и априорных актов сознания. Отсюда вытекает и различие в понимании структуры временных представлений. В кантовской теории мы имеем дело с одним и тем же временем, будь это время эмпирического синтеза, время упорядочения внешних представлений или время, составляющее содержание трансцендентальных схем. Гуссерль выделяет уровни временных представлений, соответствующие стадиям его конституирования. Это дофеноменологическое время, внедренное в содержание восприятий, феноменологическое время, универсальное для предметов внутреннего опыта и эмпирическое время, относящееся к физической реальности.

Кантовское и гуссерлевское время по-разному определены в отношении понятия величины. При характеристике пространства и времени Кант делает акцент на их статусе как экстенсивных величин. Измеримость и количественность выявляют, по Канту, наиболее глубокую сущность этих, в своей сути, математических, представлений. Для Гуссерля, как и для Бергсона, измеримость относится только к времени внешней реальности, которое в философском плане является наименее существенным. Сущностное, феноменологическое, время имеет сугубо качественный характер, и ни в коей мере не связано с понятием величины и измеримости.

Существенное расхождение между Кантом и Гуссерлем мы видим и в понимании течения времени. Для Канта время – это форма мышления, и в этом качестве к нему неприменимо понятие изменения или течения. Время, для Канта, есть структура, но не процесс, оно неподвижно и его метафизическим коррелятом является понятие субстанции. Гуссерлевское время постоянно течет вследствие того, что в точке «теперь» рождается все новое и новое бытие [1, с. 73]. Ясно, что Кант и Гуссерль исходят из различных образов времени. Здесь имеет место фундаментальное различие между статическим и динамическим пониманием времени, за которым стоит различие в онтической установке сознания: если Кант помещает время в нормативную структуру сознания, то Гуссерль соотносит его с первичным потоком чувственности.

Гуссерль существенно трансформирует само истолкование времени как априорного представления. Различие между Кантом и Гуссерлем проистекает здесь из различного подхода к определению априорности. Кантовское определение можно назвать логическим, ибо априорное знание определяется им как знание универсальное и необходимое. Гуссерль был склонен понимать априорность скорее генетически, а именно, как изначальность и абсолютную беспредпосылочность представлений. При таком понимании априорности отнесение

времени к конституируемым понятиям отнимает у него статус априорности. По этой причине Гуссерль говорит об априорности ретенции и протенции и об априорности таких свойств времени, как непрерывность и однородность, обусловленных ретенциальными актами, но не говорит об априорности самого времени. Можно сказать, что Гуссерль отнимает априорность от категорий и форм чувственности и переносит ее в сферу конституирующих их актов сознания, которые удовлетворяют требованию изначальности и беспредпосылочности.

Гуссерлевская теория существенно изменяет также кантовское понимание функции времени. Кант выделяет, как известно, две функции времени: вместе с пространством, время является основанием первичного эмпирического синтеза, и само по себе, в виде трансцендентальных схем, выступает в качестве связующего звена между категориями и опытом. Гуссерлевская идея конституирования снимает различие между категориями и формами чувственности. Если все общезначимые представления сознания конституируются на основе данных чувственности и интенциональных актов сознания, то все они связаны с опытом на любой стадии своего конституирования. Теория познания Гуссерля исключает существование категорий в кантовском смысле, т.е. как формальных рассудочных понятий, а время утрачивает функцию связи между категориями и опытом.

Гуссерлевская теория времени, как мы видели, снимает основные трудности теории времени Brentano. Это заключение в принципе можно повторить и при сравнении теории времени Гуссерля с теорией времени Канта: Гуссерль, несомненно, существенно рационализирует и углубляет кантовскую теорию времени.

Кантовская теория времени содержит в себе две основные трудности. Первая из них – генетическая. Откуда появилось представление о времени в человеческом сознании и почему оно обладает теми, а не другими свойствами? Ответ Канта состоит в том, что представления о пространстве и времени принадлежат познавательной способности человека как существа определенного вида. Очевидно, что это формальный ответ, сдвигающий проблему в область неизвестного. Второе затруднение кантовской теории состоит в неясности механизма связи времени как априорного представления с пространственно-временными характеристиками явлений, данных в опыте. Кант сконструировал механизм связи категорий с опытом, основанный на посредничестве времени. Но как происходит соединение самого времени как априорного представления с данными чувственности? Обусловливается ли оно качествами конкретных восприятий или определено интуициями, содержащимися в самом представлении времени? Кант не дал ответа на этот вопрос, оставив тем самым без всякого объяснения акт эмпирического синтеза представлений.

Гуссерль снимает оба этих затруднения, исходя из того положения, что универсального представления или созерцания времени, предшествующего всякому опыту, не существует. И феноменологическое время, относящееся к имманентному содержанию сознания, и эмпирическое время, относящееся к внешнему миру, по Гуссерлю, не даны сознанию с самого начала, а формируются в сознании на основе его внутренней конституирующей активности. Эта установка Гуссерля решает вопрос об истоках временных представлений и о природе их свойств. Нетрудно видеть также, что в этом плане решается и проблема связи представления времени с опытом. Процесс конституирования категорий, как он понимается Гуссерлем, в принципе не допускает разрыва общезначимых структур сознания с данными опыта, но это значит, что мы должны понимать категории и формы чувственности не как навязанные сознанию извне и оторванные от опыта, а как производные интуиции, с самого начала нацелен-

ные на систематизацию опыта и приспособляемые к опыту логикой своего становления. Гуссерлевская идея конституирования категорий устраняет мистический момент, содержащийся в идее априорного знания у Канта.

Однако позитивная оценка феноменологической концепцией времени, вытекающая из ее сравнения с теорией времени Brentano и с теорией времени Канта, не должна абсолютизироваться. Более детальный анализ показывает, что прогресс в трактовке времени, достигнутый Гуссерлем, является в значительной мере внешним, основанным на неприемлемых гносеологических принципах. В следующей статье мы рассмотрим основные изъяны в теории времени Гуссерля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуссерль Э. *Феноменология внутреннего сознания времени*. М.: Гнозис, **1994**.
2. Гуссерль Э. *Картезианские размышления*. СПб.: Наука, **1998**.
3. Молчанов В. И. *Время и сознание. Критика феноменологической философии*. М., **1988**.
4. Ингарден Р. *Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля*. М.: Дом интеллектуальной книги, **1999**.

Поступила в редакцию 10.04.2013 г.

PHENOMENOLOGICAL JUSTIFICATION OF THEORY OF TIME

© V. Ya. Perminov

Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosov st., 119991, Moscow, Russia.
Phone: +7 (4095) 939 13 46.
E-mail: perminov_v@list.ru

The article exposes Husserl's theory of time and provides its detailed comparison with theories of time of I. Kant and F. Brentano. The author first examines the general principles of the phenomenological theory of consciousness, and then analyzes the time concept of F. Brentano and Husserl's criticism of these ideas, and eventually makes a comparison of Husserl's and Kant's theories of time. The author is inclined to conclude that progress in the interpretation of the time made by Husserl, is largely external, based on unacceptable epistemological principles. Critique of these principles the author plans to carry out in one of the next issues of the magazine.

Keywords: *theory of time, duration, simultaneity, intentionality, category, forms of sensibility, constitutualisation, apriority, epistemological principles.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Perminov V. Ya. Phenomenological Justification of Theory of Time // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 6. Pp. 506–522.

REFERENCES

1. Husserl E. *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni [Phenomenology of Internal Time Consciousness]*. Moscow: Gnozis, 1994.
2. Husserl E. *Kartezianskie razmyshleniya [Cartesian Meditations]*. Saint Petersburg: Nauka, 1998.
3. Molchanov V. I. *Vremya i soznanie. Kritika fenomenologicheskoi filosofii [Time and Consciousness. Criticism of Phenomenological Philosophy]*. Moscow, 1988.
4. Ingarden R. *Vvedenie v fenomenologiyu Edmunda Gusserlya [Introduction to Phenomenology of Edmund Husserl]*. Moscow: Dom intellektual'noi knigi, 1999.

Received 10.04.2013.